

В.В. Никульцева

«Певучесть есть в морских волнах...»

Стихотворение датировано 1865 и написано, по сообщению А. Георгиевского, в Петербурге, во время поездки на острова вместе с его женой М. Георгиевской, сестрой Е. Денисьевой, и Тютчевым. Впервые напечатано оно в журнале «Русский вестник» (1865).

Первоначально поэтическое произведение содержало четыре строфы. Вероятно, автор укоротил художественное творение из-за того, что в последней строфе содержалось слово *протест*, которое в силу своего заимствованного характера не понравилось И. Аксакову. В поздней редакции, которую можно встретить уже в издании 1868, стихотворение состояло из трех строф и в таком виде вошло во все последующие издания. Утраченная строфа представляла собой риторический вопрос, продолжающий серию вопросов, уже поставленных в предыдущем катрене, и выглядела таким образом:

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

Именно эта строфа позволила А. Луганову обнаружить «одинокость страдальческое и гордое» в поэзии Тютчева. Эпиграфом к стихотворению Тютчева взяты слова римского поэта Авзония (IV в. до н. э.): «Est in arundineis modulatio musica ripis» («Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках»). В эпиграфе заключены опорные слова художественного текста — *музыкальная стройность* (гармония) и *тростник*. Образ мыслящего тростника восходит к афоризму Паскаля из его «Pensées» («Мыслей»): «Человек не более как самая слабая тростинка в природе, но эта тростинка мыслящая». Этот «мыслящий тростник» не просто «ропщет», а протестует в душе против разрушения своей гармонии с бытием. Душа человека в разладе с разумом, она не может слиться с одухотворенной природой, прозябая в своей «призрачной свободе», раскрывающей глаза на «разлад» между человеком и сущим, созданным Богом. Антитеза «разлад — гармония» пронизывает весь стихотворный строй тютчевских строк. В природе — «певучесть» морских волн и «гармония» их «стихийных споров», стройный мусикийский (то есть музыкальный) шорох в «зыбких камышах», «невозмутимый строй», «созвучье полное»; в душе человека — «разлад» с «общим хором», ропот, отчаянный протест, безответный, как «глас вопиющего в пустыне». Градация вопросов в финале стихотворения нагнетает чувство безысходности из-за сознания оторванности павшего человека от бытия, безбрежности его горя.

Поздний Тютчев воспринимает «трагичность переломной эпохи» торжественно и возвышенно, глубоко философски и субъективно. Создавая обобщенную картину мироздания, где человек лишь песчинка в безбрежном океане, своими страстями возмущающая всеобщее спокойствие, поэт обращается к высокой лексике, свойственной ораторскому стилю, и к патетическим интонациям. 4-стопный ямб, перебиваемый местами пиррихиями, музыкальный ассонанс, кольцевая рифмовка строк создают напевность поэтического творения, наводящего на раздумья о бренности жизни, о смысле существования человека на земле. Недаром Л. Толстой в принадлежащем ему сборнике тютчевских стихов отметил это произведение буквами «Т. Г.!» («Тютчев. Глубина!»), означающими высшую оценку поэтического дара художника слова.